

Александр Альшевский

*Пламя
Хоннодзи*

Что оно осветило в истории Японии

Александр Альшевский

**Пламя Хоннодзи. Что оно
осветило в истории Японии**

«Издательские решения»

Альшевский А.

Пламя Хоннодзи. Что оно осветило в истории Японии /
А. Альшевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850592-8

Книга посвящена загадочному событию — гибели в июне 1582 г. собирателя земель японских Ода Нобунага в пламени буддийского храма Хоннодзи в результате предательства своего вассала Акэти Мицухидэ. В книге наряду с событийным рядом «инцидента в Хоннодзи» рассматриваются его различные версии, анализируется причастность к нему тех или иных исторических личностей с учетом их поведения и дальнейшей судьбы, а также делается попытка выявить истинные мотивы, побудившие Мицухидэ поднять руку на господина.

ISBN 978-5-44-850592-8

© Альшевский А.
© Издательские решения

Содержание

1. Введение	6
2. Как они дошли до жизни такой?	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Пламя Хоннодзи Что оно осветило в истории Японии

Александр Альшевский

© Александр Альшевский, 2017

ISBN 978-5-4485-0592-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Введение

Вскрикнула выпь над болотом
Упругий тростник шевельнулся
Остывшие угли раздора великого.

История любой страны полна загадок и белых пятен. И Япония здесь не исключение. Вот, к примеру, такой вопрос. Почему алчные идалго Португалии и Испании обошли своим вниманием Японию, хотя после окончания реконкисты, победив мавров, они в массе своей остались без любимого занятия, а также денег в виде золота и серебра. Ведь они могли последовать примеру Эрнандо Кортеса, захватившего столицу ацтеков, или Франциско Писарро, что из свинопасов, который и читать то не умел, а вот Вам, взял и «„разобрался“» с инками. Казалось бы, загружай каравеллы пушками и ружьями, и по проторенной дорожке через Гоа и Малакку напрямиком к острову Чипунгу. Разбирай крыши и полы дворцов (а они там, если верить гражданину города Венеции, господину Марко, сыну господина Николая Поло, из чистого золота). Если в трюмах останется место, то его можно заполнить жемчугом. Вся эта работа при наличии слесарного инструмента с учетом дороги в оба конца заняла бы от силы несколько месяцев. А разве это срок для воинства Генриха Мореплавателя?!

Однако дело почему-то застопорилось. Одни говорят, что виной всему как водится иезуиты, которые добрались до Японии раньше конкистадоров востока (их собратьев, двинувших на запад, т.е. в Южную Америку, они просто физически опередить не могли, т.к. к тому времени иезуитов и в помине-то не было). И они быстро разобрались, что ни на Зипунгу, ни на Чипунгу, да и на других островах крыши и полы дворцов совсем не из золота. И вообще его там всего ничего, пустяк какой-то. А вот чего много, так это самураев с большими и малыми мечами, встречаться с которыми по такому пустяку было экономически нецелесообразно. Будь там хоть немного специй, это могло бы подзадорить любителей «„чего-нибудь погорячей“». Ведь европейцам тогда без специй совсем стало невмоготу. Холодильников не было и мясо, чуть потухнув, начинало подванивать. А задури его перчиком, имбирем или еще чем-нибудь в этом роде – и порядок! А про улучшение вкуса мяса и повышение его усвояемости и говорить нечего. Это само собой. На то они и пряности. Однако японцы предпочитали рыбку, которая и без специй шла у них на ура. А что делать? С сырьевыми ресурсами в Японии и тогда было не очень. Испанцы, осваивая Америку, области, бедные золотом и серебром, обозначали надписью «„Земли, не приносящие дохода“». Вот и португальцам, наверное, пришлось по примеру испанских коллег пометить японские острова аналогичной надписью. Видимо хорват с острова Корчула, занимаясь своей «Книгой о разнообразии мира», что-то напутал. И это вообще немудрено, если учесть, что в Японию он так и не удосужился отправиться за многие годы пребывания в Китае.

Марко Поло обладал достаточно развитым воображением, основываясь на котором, он такого наговорил основателю династии Юань в Китае, монгольскому хану Хубилаю, что тот, собрав монголов, китайцев, корейцев и вообще всех, кто оказался под рукой, пару раз отправлял их в Японию. Но что мог поделаться даже владыка Поднебесной империи с теми, кто на небесах? Посланный ими (что интересно, тоже пару раз) божественный ветер (камикадзэ) быстренько студил пылкого монгола, да и других любителей поживиться за чужой счет. Заря марксистско-ленинского учения тогда еще не осветила темные закоулки невежества мрачного средневековья, по которым плутали истинные католики (а именно таковыми волей того же неба были эти любители). И сомневаться в силах небесных у них не было ни желания, ни причин. И, вообще, какие сомнения? Что не так и ты, привет, уже герой торжественного акта веры, кото-

рый по-испански, да и по-португальски звучит очень даже мило: аутодафе. Все это, в конечном счете, привело к тому, что в течение многих веков японцы целиком и полностью смогли сосредоточиться на внутренних проблемах, а внешний мир напоминал им о своем существовании в очень даже ненавязчивой форме. Правда, в середине 20 века камикадзэ уже были не в силах уберечь Японию от внешнего нашествия. Прогресс науки и техники, а также антирелигиозная пропаганда в отдельно взятых странах сделали свое дело...

С этим вопросом, кажется, все стало как-то более или менее (скорее, менее) ясно. Но, чтобы не возникало сомнений в загадочности японской истории, вернемся во все то же средневековье. Сделать это при всем желании будет не так просто, т.к. работы Д.М.Позднеева, Н.А.Невского, Н.И.Конрада, Г.И.Подпаловой, А.П.Гальперина и других «зубров» японоведения скрыты в глубине библиотечных хранилищ, специальных и не очень, или «защищены» от проникновения в них довольно высокими ценами букинистических магазинов. Естественно, японистика не стоит на месте (правда и не несется вперед с высокой скоростью), выпускаются все новые и новые книги по истории Японии, но многие из них носят следы научно-исследовательской деятельности их авторов, как российских, так и зарубежных, и не всегда понятны людям без специальной подготовки, иначе говоря, обычным обывателям, городским и сельским (не в смысле тех, кто живет мелкими интересами, а в смысле почтенных граждан, купцов, посадских или мещан). Сейчас, конечно, сельским обывателям (крестьянам и поселянам, как по своей воле, так и нет) в совокупности своей не до исторических нюансов: идет перманентная борьба за урожай, а, следовательно, и за жизнь в самом прямом смысле этого слова.

А вот у посадских людей попроще. Не так существенен природный фактор. Да и законы севооборота им не к чему. Разберись с государственным тяглом (налогами, торговыми пошлинами, натуральными повинностями) и свободен, и сразу за отгадывание загадок японской истории. А как там с озимыми или, скажем, с особенностями навоза в том или ином климатическом поясе, то это, как говорится, совсем другая песня...

Выражение «натуральные повинности» может у некоторой части населения вызвать недоумение, а то и прямое восклицание: что это за повинности в наше просвещенное время! Бред какой-то... Для кого и бред, а для кого и самый что ни на есть реальный объект действительности, скажем, в виде воинской повинности, когда в оплату за всю заботу государства человек вынужден повиниться перед ним собственной натурой. А, за что, собственно, виниться то?

Оставив этот вопрос открытым, а отвечать на него и не обязательно, поскольку по природе своей его смело можно отнести к риторическим, скорее к цели нашего повествования – японскому средневековью. Япония. 16 век. Страна в раздразе, институты центральной власти не работают, да и до них ли было императору Гонара. Он был занят исключительно вопросами поддержания семейства, торгуя самолично написанными иероглифами на цветной бумаге. Повсюду беспредельничали крупные феодалы (да и мелкие стремились не отставать). Кажется, еще немного, еще чуть-чуть и центробежные силы (в том понимании, что бегут от центра) окончательно разнесут страну на мелкие кусочки. Но вот ведь какая штука: от центра убежать можно, а от законов материального мира, ну никак. И не пытайтесь. Только время потеряете. А по этим законам выходит, что если есть действие, то будет и противодействие, а если возникли центробежные силы, то появятся, будьте уверены, и центростремительные (это те, которые стремятся в центр). И они, действительно, появились, еще раз подтвердив незыблемость законов физики. Олицетворением этих сил, этакими собирателями земель японских смело можно назвать Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу.

Эта могучая троица (святой ее назвать как-то рука не поднимается) или три богатыря японской истории объединили страну и заложили фундамент ее будущего процветания. Если верить авторам доступных в настоящее время книг, касающихся этого вопроса, то Нобунага вместе со своим верным другом, который искренне его почитал, Иэясу, а также преданным вассалом Хидэёси твердой рукой разбирали завалы на пути объединения страны. Их мощь

и разнообразные способности позволяли замышлять такое, узнай про которое, жители Кореи, Китая, а то и Индии пришли бы в неопиcуемый ужас. И все у этой троицы пошло бы хорошо, если бы не вероломный предатель по имени Акэти Мицухидэ. Этот посредственный военачальник, съедаемый то ли ненавистью, то ли еще чем, или помутнившись разумом, взял и напал на своего господина, Нобунага (японские имена и фамилии, а также всевозможные названия давайте по старой привычке не склонять и ставить их всегда и везде в именительном падеже), заставив его совершить самоубийство в объятom пламенем храме Хоннодзи, что в Киото.

Ну и что тут необычного и загадочного для тех далеких и беспокойных времен, когда любой вассал только и ждал случая занять место своего господина? Вот и Мицухидэ воспользовался удачным стечением обстоятельств, сделав то, что и должен был сделать любой другой самурай на его месте. Казалось бы, все ясно и гадать здесь нечего. Но вот, что интересно. Чем больше завеса времени скрывает от нас это событие, тем жарче разгораются в той же Японии споры о причинах того, что ранним утром 2 июня 1582 г. у ворот храма Хоннодзи, где остановился на ночь Ода Нобунага, раздался боевой клич воинов Акэти Мицухидэ. Причем в этих спорах участвуют не только простые любители истории, но и профессиональные специалисты, многие из которых считают «инцидент в Хоннодзи» самой большой загадкой в истории Японии. Вот так, ни больше и ни меньше...

2. Как они дошли до жизни такой?

Процессы формирования государственности в тех или иных землях, как правило, сложны и являлись и являются по сей день предметом ожесточенных дискуссий. Например, мы, в России, до сих пор окончательно не прояснили то ли норманны сами пришли, то ли их пригласили, то ли первым правителем Руси был кто-то из местных выдвигенцев. И если это прояснится, то совсем уж и не скоро, поскольку такой вопрос носит не только научный, но и политический характер. А политика – вещь переменчивая: сегодня конъюнктура внутренняя и внешняя может сложиться в пользу норманнской теории происхождения власти на Руси, а завтра мы будем готовы наброситься с вилами и забросать навозом всяких там космополитов, защищая «чистоту» собственного пути.

В Японии в этом смысле все, слава богу, четко и однозначно: власть по природе своей от бога, вернее богини солнца Аматэрасу, которая является главным божеством синтоистского пантеона Японии. Она приказала своему внуку, богу Ниниги, снизойти из Такамагахара (страны богов в японской мифологии) на землю, что он не замедлил выполнить, и благополучно прибыл на древнюю землю Хюга (преф. Миядзаки и преф. Кагосима на о-ве Кюсю). Здесь, как водится, Ниниги женился на девушке также божественного происхождения и у него родились два сына: Ходэри и Хоори. Ходэри занялся морским рыболовством (ловил рыб с широкими плавниками, рыб с узкими плавниками), а Хоори предпочел ловить зверей и птиц в горах (добывал зверя с грубым волосом, зверя с мягким волосом). Поэтому их и прозвали, соответственно, Умисати (дары моря) и Ямасати (дары гор).

У Ямасати был внук по имени Каму ямато иварэ но микото. Ничего себе имечко! Прочитаешь его пару раз и достаточно: сразу же захочется прервать чтение и потянет куда-нибудь в горы на ловлю птиц или к морю за рыбкой. Поэтому лучше всего этого микото в дальнейшем называть просто Дзимму. Более того, именно под этим именем (а не тем, длиннющим) он и войдет в историю государства японского. Так вот. Когда внучок подрос, и ему стукнуло 45 лет, он двинул из Хюга на восток в страну Ямато (низина Нара на острове Хонсю). Однако некоторые, наверное, атеисты, считают, что собирание земель японских происходило как-раз в обратном направлении: с востока на запад. Так это или нет – науке доподлинно неизвестно, по крайней мере, на сегодняшний день. А вот то, что Дзимму пришлось помучиться, завоеывая Ямато, ни у кого сомнений не вызывает. Иначе, зачем тогда на помощь прямому потомку Аматэрасу небеса послали коршуна золотого цвета, который, сев на лук Дзимму, засиял таким светом, что противник был ослеплен, и у него пропало всякое желание сопротивляться.

Усмирив Ямато, Дзимму установил столицу в Касихара, где и взшел на престол в 660 г. до н.э. во дворце Касихара. Подданные прославляли его как Хацукуни сирасу сумэра микото, что означает императора, который первым правил страной (не путать с десятым императором Судзин, которого называли точно также). В 1890 г. в том месте, где предположительно находился этот дворец императора Дзимму, был построен синтоистский храм Касихара дзингу. Сейчас город Касихара в преф. Нара насчитывает 29 тыс. человек. Маловато, конечно, для первой столицы Японии.

И вот что еще хотелось бы отметить. Потомкам богини солнца было предназначено править Японией ни год или два, а вечно. Однако время, тем более, если оно измеряется не днями и месяцами, а столетиями, делает людей забывчивыми, и всегда могли появиться сомневающиеся в божественном происхождении, т.е. легитимности императорской власти. Но и здесь все было предусмотрено великой Аматэрасу. Именно на этот случай она снабдила своего внука Ниниги мечом, зеркалом (или зеркалом) и длинными нитями с множеством магатама (это украшение такое из яшмы, выполненное в виде полумесяца с отверстием на конце). Симво-

лизируя соответственно решимость, честность и милосердие императорской власти, эти три священные регалии стали одновременно и неоспоримым доказательством ее легитимности.

Таким образом был заложен фундамент императорской власти. На этом фундаменте происходило формирование двора Ямато, этакое центрального правительства, куда входили главы могущественных родов наподобие Кацураги, Хэгури, Накатоми, Сога, Мононобэ, Оотомо. А куда без них-то? Небесная поддержка – это очень даже хорошо, но ведь кто-то должен был и подати платить, особенно рисом, служивых людей предоставлять, а если что случись, то по указу императора и воинов послать. В 4—5 вв. двор Ямато со столицей в Асука («летающая птица») уже приобрел четкие очертания и реальную силу. Однако нельзя считать, что формирование двора протекало гладко и безмятежно. Все-таки его составляли хоть и могущественные, но все же люди со всеми присущими им недостатками и вкусами. Внутри двора постоянно шла борьба порой невидимая, порой очень даже видимая за влияние на императора. То один, то другой клан пытался возвести на престол своего кандидата, при этом строго соблюдалось железное правило – император должен был быть обязательно голубых кровей. Впрочем, это правило выполнить было совсем и не трудно, учитывая нравы японских императоров, которые если и отличались от нравов монарших собратьев в других странах, то только формой, но никак не содержанием. Так что дефицита принцев крови не наблюдалось, и было из кого выбирать. Постепенно стал выделяться из общей массы себе подобных клан Сога. Сначала «зачах» клан Оотомо, глава которого был заподозрен в получении взятки от корейской страны Кudara в обмен на часть Мимана (японской колонии на территории корейского полуострова). Затем Сога столкнулись с Мононобэ по чисто религиозному вопросу: первые поддержали буддизм, пришедший в страну в 538 г., а вторые не хотели давать в обиду местных богов, оставаясь яркими сторонниками синтоизма. В решающем «диспуте», который был особенно кровопролитным, на стороне Сога выступили четыре буддийских Дэва («небесных королей»), деревянное изображение которых высоко держал над головой четырнадцатилетний принц Умаядо (будущий Сётоку Тайси). Участь Мононобэ была предопределена (кто видел изображения этих Дэвов поймет почему), и этот род вслед за Оотомо исчезает с исторической сцены Японии.

Однако жизнь продолжалась. В 592 г. взошла на престол Суйко – первая царствующая императрица Японии. Именно на годы ее правления приходится деятельность Сётоку Тайси, великого просветителя и реформатора, который сделал очень много для усиления императорской власти и государства. А что же Сога? Влияние и сила этого клана продолжали расти, однако глава его, Умако, скорее поддерживал, чем мешал Сётоку Тайси, который фактически стоял во главе императорского двора. Здесь надо отдать должное Умако. Несмотря на все свое могущество, он свято чтит традиции престолонаследия и в мыслях не держал стать императором. Правда, некоторые именно ему приписывают тайное убийство предшественника Суйко, императора Сусюн. А что остается делать, когда тебя, аристократа, отца почтенного семейства, прилюдно уподобляют кабану (хоть и японскому) или человеку, но с кабаньей шеей (ну и что, если у тебя действительно не очень с ростом, короткая и толстая шея, большой рот). Да еще мечтают о том, чтобы эту самую шею отделить от туловища. Кто же такое стерпит?! Или ты или тебя! Умако выбрал первое, шепнул кое-что одному человечку, и... императора не стало. Все, забирай три регалии, и сам становись императором. Но боже упаси! Авторитет «сынов неба» уже был достаточно высок. Не то, что в соседнем Китае. Там императором мог стать любой. Были бы лишь желание и способности. Кто основал династию Хань? Правильно, Лю Бан, бывший староста занюханной деревеньки. А Тан? Военачальник Ли Юань. А Сун? Феодал Чжао Куань-инь. А Мин? Бывший служка буддийского монастыря Чжу Юань-чжан. До власти в Китае могли дорваться даже, страшно подумать, ... евнухи (в самом прямом смысле этого слова). Правда, нельзя считать, что все они были алчными извращенцами и интриганам. К примеру, великий китайский мореплаватель Чжэн Хэ тоже из евнухов.

Японцы, вообще то охочие до всего китайского, эту особенность китайского правления не переняли. А может быть стоило кровь японских императоров слегка «подкрепить» несколькими каплями мужицкой крови? А может и не стоило... Что уж теперь говорить.

По всему выходит, что становиться императором Сога Умако было как-то негоже. Другое дело – придворные людишки, великие, левые и правые министры, дайнагоны, сёнагоны и тюнагоны всякие. Их то можно попереставлять вволю! Внук Умако, Ирука, был не так щепетилен как его дед. Ему, видите ли, показалось, что сын Сётоку Тайси и не такой уж хороший кандидат в императоры. Не долго думая, он принуждает все потомство Сётоку Тайси к самоубийству в храме Хорюдзи. Прошло всего 22 года после его смерти, а как все изменилось!

Небо не простило клану Сога такого поступка. 12 июня 645 г. тело зарубленного Ирука, завернутое в циновку и вынесенное из императорского дворца, уже хлестал сильный дождь. А в следующем месяце в своей усадьбе, окруженной врагами, сгорел отец Ирука, Эмиси – последний представитель главного дома Сога. Вместе с ним, кстати, сгорели такие книги, как «Тэнноки» и «Кокки», написанные Сётоку Тайси и Сога Умако. Эти книги легли в основу дошедших до нас «Кодзики» и «Нихонсёки».

Во главе заговора стояли принц крови Наканооэ (будущий император Тэндзи) и его «правая рука» Накатоми Каматари. 19 июня 645 г. в храме Асукадэра принц Наканооэ объявил всем чиновникам двора о начале новой политики с сильной центральной властью во главе с императором. В этот день принц впервые в Японии установил «нэнго», т.е. девиз или название годов правления (что является своеобразной системой японского летоисчисления) – «Тайка» («Большие перемены»). Перемены действительно были большими. Запрещалась частная собственность на землю. Бывшие владельцы земли получали «кормление» (право собирать в свою пользу налоги с крестьян) или определенное жалованье в виде текстиля. Вся власть концентрировалась в императорском дворе. Отменялось рабство – все становились людьми государевыми. В центральные, а затем и другие провинции назначались губернаторы («кокуси»), а в уезды – начальники («гундзи») и т. д. и т. п. В общем, все как у людей, т.е. в Танском Китае. К тому же Наканооэ настрого запретил хоронить живьем слуг вместе с умершим господином, да и заваливать могилу драгоценностями. А в довершении всего он взял и перенес столицу из Асука в Нанива (современный Осака). Действительно, новая политика должна осуществляться на новой земле. Менять, так уж менять...

Кстати, и девиз годов правления впервые был введен в Китае, правда, Ханьском. С тех пор как-то само собой повелось изменять девиз при вступлении на престол нового императора, появлении счастливого предзнаменования, стихийном бедствии, наступлении года курицы или крысы шестидесятилетнего цикла. Японцам пришлось по вкусу это изобретение «старшего брата» и они широко использовали его. Доходило до того, что при жизни одного императора девиз менялся раз семь, что давало придворным большой простор для творчества. Однако, начиная с императора Мэйдзи и до настоящего времени все значительно строже: один император – один девиз правления (причем имя императора совпадает с девизом, а может и наоборот).

«Большие перемены» продолжались бы, без всякого сомнения, еще долго, если бы один из губернаторов не раздобыл где-то на просторах нынешней префектуры Ямагути белого фазана («хакути») и преподнес его императорскому двору. А эту птицу, надо Вам сказать, и в Китае и в Корее очень даже уважали, считая счастливым предзнаменованием. Император Котоку и Наканооэ очень обрадовались такому подарку, устроили птице торжественную встречу во дворце и, недолго думая, изменили девиз правления, благо появление счастливого предзнаменования – отличный повод для этого. Так «Большие перемены» превратились в «Белого фазана». К этому времени, правда, слова инициатора перемен принца Наканооэ стали расходиться с делом. На словах он ратовал за сильную императорскую власть, а на деле все решал сам, даже для приличия не советуясь с императором Котоку. Взял, например, и перебрался из столицы Нанива обратно в Асука (653 г.) да еще практически со всем двором. Этот

переезд, больше похожий на перенос столицы, произошел даже без разрешения, хотя бы формального, императора. Перенос столицы в те далекие времена был событием вполне заурядным и осуществлялся довольно часто как с поводом, так и без него. Но в этот раз он отчетливо показал, кто в доме (императорском) хозяин.

Из всего этого следует вывод о том, что новый девиз оказался не таким уж счастливым. К тому же все вдруг обратили внимание на то, что «хакути» означает не только «белый фазан», но и «идиотизм». Продолжать править под таким сомнительным девизом было, сами понимаете, невозможно, и от него отказались. Знание этимологических основ не потеряло своей актуальности и в наше время. Пример? Пожалуйста! Когда наши казахстанские братья дружно взялись за казахизацию всего и всея (а, что, дело наиважнейшее), они свою новую столицу (прямо выходит по принципу Наканооэ – новая политика в новой столице) Целиноград быстро переименовали в Акмолу, т.е. восстановили историческую справедливость и вернули древнее название этой местности. Прекрасно! Да и само слово Акмола звучит очень даже красиво. И все было бы хорошо, если бы кто-то из дотошных этимологов не обнаружил, что древнее выражение Акмола уж больно похоже на тоже древнее выражение «белая могила». Выводы были сделаны этимологически чисто, и Акмола превратилась в Астану (а к этому слову уже не придерешься: столица она и в древности была столица). Господа реформаторы! Не пренебрегайте этимологией. Дешевле выйдет...

Все эти эксперименты с девизами так достали принца Наканооэ, что, даже став императором, он решил править без всякого девиза. В целом после «Белого фазана» страна оставалась бездевизной лет пятьдесят. Один император сменял другого, склоки при дворе не стихали, а порой перерастали в военные действия. Но все это не выходило за рамки придворной борьбы, т.е. принц схватывался с принцем, да еще и Каматари старался (и старался не зря, именно он стал отцом – основателем великого семейства Фудзивара).

В годы правления императора Тэмму значительно чаще, чем прежде стали вспоминать о его божественном происхождении, а это верный признак укрепления власти и авторитета императора. Однако после его смерти опять пошли осложнения. Императрицей Дзито стала его жена. Женщина есть женщина. Появились всякие там помощники и советчики, которые стали нашептывать ей то одно, то другое, а то и третье. В этой неразберихе она стала все чаще прислушиваться к тому, что говорит Фухито – второй сын Фудзивара Каматари. И вот Вам результат: Фудзивара начали фактически руководить государством. А то, что этому семейству стало тесновато в одном доме и оно распалось аж на четыре дома, к демонополизации власти не привело: хотя они частенько спорили по вопросам престолонаследия, последнее слово, как правило, оставалось за северным домом Фудзивара.

Размножавшимся Фудзивара требовалось достойное кормление. Но ведь были и другие аристократы со своими чадами, не говоря уже о чиновниках и прочей челяди, которых, что ни делай, становилось только больше. Одного текстиля сколько нужно было?! А двору надо было думать не только о кормлениях и жалованиях, были и другие задачи, пусть и не такие важные. В общем, земли стало на всех не хватать, и «закрома родины» таяли прямо на глазах. До удобрения из сушеной ивасы, этой дальневосточной сардины, народ еще не додумался, поэтому альтернативы экстенсивному земледелию не было. В этих жестких условиях двору ничего не оставалось, как добиваться роста объема сельхозпродукции за счет расширения обрабатываемых земельных площадей. И двор в 722 г. решил на освоение целины.

(Не пройдет и 12 веков, а точнее 1182 года, как с точно такой же проблемой столкнется и «нерушимый» союз и будет ее решать тем же путем – экстенсивным, оставив, видимо, интенсивный про запас.)

Решиться то он решился, но ограничил право собственности на поднятую целину одним поколением целинников. Естественно, такой подход к нужному в целом делу не вызвал особого восторга у трудоспособного населения, а двору уж как хотелось полакомиться рисом с новых

заливных полей, аж не втерпежь. Вот он и согласился распространить право собственности на три поколения целинников. Это уже кое-что и они резво взялись за топоры и мотыги. Но и здесь червь сомнения стал, не сразу конечно, подтачивать их энтузиазм: «глупышка, сколько не горбататься, государство все равно заберет... пусть дураки и осваивают». И все шло именно к последнему. А тут еще император Сёму задумал строительство провинциальных буддийских храмов, а также огромной статуи Будды Вайрочана. А для этого, как ни крути, были нужны продуктовые налоги с новых полей и огородов. Все это и вынудило двор с 743 г. передавать вновь освоенные земли в вечную частную собственность целинников. Правда, чтобы они слишком не увлекались приватизационными процессами, площади таких земель были ограничены в зависимости от социального положения и придворного ранга. Так высший придворный ранг позволял надеяться на 500 га, а простому смертному больше, чем на 10 га рассчитывать не приходилось.

Воодушевленные такой политикой двора столичная аристократия, большие буддийские и синтоистские храмы, да и местная элита принялись поднимать целину, руками, естественно, крестьян. Так стали формироваться вотчины, по-японски называемые сёэн. И надо прямо сказать, что новая политика двора с одной стороны позволила улучшить экономическое положение страны, а с другой – подложила бомбу замедленного действия под всю систему централизованного управления государством, создав предпосылки формирования в Японии класса крупных земельных собственников – феодалов (даймё).

Не надо сомневаться, что от таких нововведений выиграл в первую очередь клан Фудзивара, который все активнее «врал» в генеалогическое древо японских императоров, налаживая с ними родственные связи с помощью красных девиц Фудзивара. А если появлялся некто, кто мог ослабить чуть ли не монопольное влияние потомков Каматари при дворе, то они решительно, но и, как правило, элегантно устраняли этого некто со своего пути. Классическим примером такой элегантности является высылка из столицы Сугавара Митидзанэ, каллиграфа, ученого, поэта и государственного деятеля. И какого! Он был правым министром и губернатором провинции Сануки (преф. Кагава). Губернатору в те времена совсем не обязательно было самолично отправляться к месту службы, в глубинку. Вполне достаточно было назначить кого-нибудь из местных своим наместником (что-то вроде вице-губернатора) и наслаждаться утонченной жизнью в столице. А вице вместе с уездными начальниками, тоже, кстати, из местных все что надо и как надо сделают и сомневаться не надо. Так вот, слишком уж быстрая карьера Митидзанэ ставила под угрозу влияние и само существование в коридорах власти северного дома Фудзивара, как казалось из этого дома. Один из Фудзивара, левый министр Токихира, серьезно поговорил с императором Дайго и убедил его в том, что Митидзанэ метит на место Дайго его же младшего брата, принца крови Токиё. Молодости свойственна доверчивость, а Дайго было всего нечего, 17 лет, поэтому «наводка» опытного придворного сработала, и Митидзанэ сослали на Кюсю. В день отъезда, печальясь о расставании со столичной жизнью вообще и сливовыми деревьями в своем саду в частности, он сочинил следующие строки.

С восточным ветром ты отправь
Аромат цветов своих
Пусть вдалеке хозяин твой
Любовь не забывай
О, слива!

25 февраля 903 г. в возрасте 59 лет Сугавара Митидзанэ умирает от болезни. Казалось бы все, ведь много повестей печальных есть на свете. Но откуда-то появились слухи о том, что его озлобленный дух улетел не на небо, а напрямик в столицу. И действительно во время страшного дождя в один из императорских дворцов ударила молния. Всем сразу стало ясно, что этот

самый дух вселился в бога неба, который отвечал в небесной канцелярии за погоду и, заодно, и сельское хозяйство, и намеревался проучить все семейство Фудзивара. Дать ему, так сказать, предметный урок добра и зла. Однако и небо ничего не могло поделаться с «северянами» Фудзивара и их влияние при дворе осталось непоколебимым. Несмотря на столь очевидную неудачу, память о Сугавара Митидзанэ сохранилась в памяти народа до настоящего времени. Неспроста ведь в синтоистских храмах Тэммангу, разбросанных по всей Японии, поклоняются именно Сугавара Митидзанэ. Особую известность среди них получили храмы в Осака, Киото и Дадзайфу (преф. Фукуока). В храмы Тэммангу заглядывают, кстати, и работники умственного труда как прикладного, так и фундаментального поскольку Сугавара Митидзанэ почитается и как покровитель науки во всем объеме этого слова. А в ней, в этой самой науке, ой как много всего неясного и порой даже подозрительного, так что сам не плошай, но и на Сугавара Митидзанэ надейся.

А сёэн, т.е. вотчин, становилось тем временем все больше и больше. При этом практику дарения императором земель, необлагаемых налогом, своим вассалам никто не отменял, поэтому земель государевых становилось все меньше и меньше, а с налогами дело обстояло все хуже и хуже. Первоначально сёэн по закону являлись объектом налогообложения и должны были платить, вернее, поставлять в казну налоги. И поставляли, но не все. Ведь кто владел ими? Знатные аристократы и влиятельные монастыри. И не каждый мытарь обладал мужеством (скорее даже наглостью) требовать с почтенных людей какие-то там налоги. Более того, некоторые почтенные люди добивались официального разрешения не платить налоги, а то и экстерриториальности своих владений, никого туда не впуская. Порядок должен был навести двор: собираемость налогов как тогда, так, впрочем, и сейчас – основа любой государственности. Теоретически это верно, здесь не подкопаешься. А практически двор состоял именно из тех же самых аристократов, которые не хотели платить налоги, а хотели получать их. И перед императором вставала дилемма из дилемм. Надо было выбирать между двумя равно неприятными возможностями: или заставлять аристократов и иже с ними платить налоги, а значит – становиться отставником-монахом в прямом смысле, или не заставлять, а тогда – вести монашескую жизнь в иносказательном смысле, т.к. денег на другую просто не будет.

Ко всему прочему где-то в начале 11 в. стало заметно увеличиваться число крестьян-арендаторов, которые по просьбе владельца сёэн обрабатывали его землю (самому владельцу было не до этого – дел в столице было невпроворот). После вычета арендной платы у арендаторов кое-что оставалось. На это кое-что они могли нанимать безземельных крестьян и увеличивать площади арендованной земли. Крестьян-арендаторов называли тато, где та – поле, а то – изгородь, что в совокупности обозначало крестьянина, обрабатывающего определенный участок земли. Тато стали называть этот участок своим именем (а фамилии у них попросту и не было, т.к. до социального равенства в Японии было еще далековато). Если участок земли мотыжил некто Таро, то его (участок) называли Таромё (где иероглиф мё означает имя), если Дзиро – Дзиромё и т. д. Площадь поименованных участков доходила до нескольких десятков га, а в среднем составляла 4—5 га. В зависимости от величины участка крестьян стали называть даймё тато или сёмё тато. Иероглиф дай означает большой, а сё – маленький. В последствии от даймё тато и сёмё тато останутся только даймё и сёмё. Вот Вам этимологически выверенное объяснение того, почему это крупных и мелких феодалов стали называть соответственно дамё («большое имя») и сёмё («малое имя»).

Прикипая душой и телом к арендованной земле, крестьяне стали рассматривать ее как свою собственную со всеми вытекающими из этого последствиями, т.е. пошел процесс превращения определенной части крестьян в землевладельцев. А времена были беспокойные. Отстаивать свои права (в целом-то не совсем законные) чаще всего приходилось силой, и хочешь не хочешь надо было осваивать новое ремесло – военное искусство, и становиться воином. К тому же некоторые губернаторы и аристократы даже императорских кровей стали, в первую

очередь по экономическим, а потом уже морально-этическим причинам предпочитать изнеженной столице суровую периферию. В столице ты так, никто, один из многих, а подальше от нее – уже какой-никакой, а доно (господин) и все тебе кланяются и все тебя уважают. И они садились на кормление в своих вотчинах, также превращаясь в воинов, только познатней и побогаче. Таким образом в глубинке зарождался новый воинственный класс феодалов с всякими вассальскими отношениями, который войдет в историю Японии под общим названием самураи (люди служивые).

Не успев сформироваться как следует, этот класс был сразу же востребован. Императорам, экс-императорам, императорам-монахам, т.е. двору в широком смысле этого слова требовалась защита, что вполне естественно, поскольку своих силенок стало не хватать. Все эти интриги, переезды, паломничества и прочие церемониальные штучки, а главное – безденежье, изматывают, конечно. А одни воинственные монахи чего стоили! Первому чести защитника двора была оказана клану Минамото, силой которого уже нельзя было пренебрегать. Минамото Ёсиэ впервые в японской истории для человека такого происхождения было дано право присутствия в залах императорского дворца. Хотя именно на происхождение-то ему было грех жаловаться. Как-никак Ёсиэ происходил аж от самого императора Сэйва. Однако стоило его предкам отлучиться из столицы на пару поколений, как привет – ты уже не голубых кровей, а так, неотесанный мужлан с востока. Но если у этого мужлана под рукой десяток, а то и другой тысяч самураев, то можно и потерпеть его присутствие среди аристократического бомонда. Правда, очень даже скоро Минамото были вытеснены как с неофициальной должности защитников двора, так и из залов императорского дворца кланом Тайра., такими же мужланами, но уже с запада. Как говорится, на востоке – Гэндзи (клан Минамото), а на западе – Хэйси (клан Тайра) ... Генеалогия Тайра уходила вверх тоже очень даже прилично и упиралась в императора Камму. Строго говоря, Тайра, оказавшись вне столицы, сначала осели на востоке страны, однако затем были вытеснены суровыми обстоятельствами (без Минамото, будьте уверены, здесь не обошлось) на запад, убеждаясь тем самым на личном опыте в стремлении любой системы, в том числе и социально-политической, к равновесному состоянию. Баланс он и в Азии баланс!

Там они на вольных хлебах поднакопили силенок, достаточных, чтобы в декабре 1159 г. схватиться с Минамото непосредственно в столице, Киото (правда, тогда ее по старинке называли Хэйан). И победили, естественно, Тайра. А кто по Вашему должен был победить в год Хэйдзи в столице Хэйан? Конечно, Хэйси (род Тайра)! Ведь Хэйан может означать и «спокойствие Тайра», а Хэйдзи – «правление Тайра». Все, как говорится, сошлось... и время и место и фамилия.

Оккупировав район Рокухара в Киото, тайровцы, засучив рукава кимоно, так горячо взялись за дело, что довольно скоро любому в Японии стало ясно как день деньской, что если ты не из Тайра, то и не человек вообще, а так, изверг какой-то.

В апреле 1180 г. Тайра Киёмори был на вершине счастья. Еще бы! Исполнилась его давнишняя мечта: принц крови Токихито, матерью которого была дочь Киёмори, в возрасте трех лет стал императором Антоку. Казалось, что власть Тайра во всей легитимности этого слова будет бесконечной. Но история учит, что все хорошее кончается. И еще она учит, что борьба за власть в высших ее эшелонах штука жестокая и всякие там сентименты ей противопоказаны. Как не сентиментами следует назвать опрометчивый поступок Киёмори, который вопреки традиции пощадил за малостью лет деток врага: Ёритомо, Ёсицунэ и других. Ну и что, что за четырнадцатилетнего Ёритомо вступилась мать Киёмори, которой он напоминал покойного сына Иёмори. Ну и что, что Ёсицунэ было всего лишь два годика. Надо было довести начатое дело до конца (ведь именно эти птенцы гнезда Минамотова возглавили борьбу за уничтожение дома Тайра и были в ней более последовательными). И не пришлось бы его жене вместе с восьмилетним императором Антоку отправляться в красивую столицу на дне разде-

ляющего острова Хонсю и Кюсю пролива Хаятомо но сэто (местность на северном побережье которого называлась Данноура, сейчас там город Симоносэки), где нашли свое последнее пристанище сыны дома Тайра.

И не прошелся бы грозный Темучин огнем и мечом по городам и весям. Ведь по одной из версий, довольно романтической, под именем Чингисхан скрывался никто иной, как... Ёсицунэ. Да, да, тот самый! Спасаясь от преследования старшего брата, он волей судьбы оказался в монгольских степях где-то в районе реки Орхон... Конечно, маловероятно, но красиво! Однако с этой версией вряд ли согласятся такие ученые, как А.Т.Фоменко, Г.Н.Носовский и В.М.Кандыба, т.к. они ни минуты, наверное, не сомневаются в том, что Великим Ханом был русский князь Георгий Данилович, самый известный из всех Донских казачьих атаманов...

Но дрогнула рука самурая, то бишь Тайра Киёмори. Не взял он на себя грех детоубийцы. А что в результате? А в результате его «крестничек» Минамото Ёритомо в 1192 г. стал великим полководцем, покорителем варваров, сёгуном, и сформировал в Камакура самурайское правительство (бакуфу). Относясь к двору с должным почтением, он дал ему ясно понять, что править теперь будет по-самурайски. И для начала отправил в провинции и военных губернаторов (сюго) и земельных управляющих (дзито), якобы для поисков исчезнувшего куда-то из столицы брательника Ёсицунэ (но мы то уже знаем, что тот напрямик через Хоккайдо рванул к берегам Орхона). А ведь на местах уже были гражданские губернаторы и начальники уездов (кокуси и гундзи)... Все смешалось в доме Облонских!

А что же двор? Отодвинутый «ласковой» рукой Ёритомо еще дальше от рычагов государственного управления он наконец-то мог целиком и полностью сосредоточиться на своей внутренней жизни. Право, всяких дел, нужных и важных, было невпроворот. Посудите сами. Поздравить 1 января императора надо? Само собой! Поприсутствовать 5 января на пожаловании высших придворных рангов надо? Без вопросов! А надо еще 7 января с помощью вороного коня «заблокировать» всякие там злые намерения (все мы люди!); помолиться 8 января за спокойствие императорской фамилии; назначить и снять чиновников на местах 11 января; подкрепиться кашкой, замешанной на семи травах, 15 января; поглазеть на топающих ножками танцовщиц 16 января; пристрелять луки перед воротами императорского дворца 17 января; поприсутствовать 18 января на соревновании гвардейских лучников; послушать известных поэтов 21 января. А сверх этого банкеты, банкеты, банкеты... А время на подготовку ко всему этому?! Так что весь январь расписан буквально по минутам.

Впрочем, в другие месяцы не легче. Ведь надо в феврале и августе – помянуть Конфуция и его учеников; в марте – посмотреть, как это поэт ухитряется складывать стихи пока к нему по ручью подплывала чашечка с сакэ, а также не забыть опустить в воду куклу (а не то несчастий не оберешься); в апреле – устроить богослужение в честь рождения Шакья – Муни и полить его изображение водой пяти цветов, да не забыть отметить 3 апреля – день кончины императора Дзимму; в мае – нарвать ирисов (травянистое растение) и вставить в стреху дома (тогда дьявол туда – ни ногой!); в июле – поклониться усопшим и посмотреть на борцов сумо, собранных со всей страны; в августе – полюбоваться луной; в сентябре – испить сакэ с лепестками хризантемы; в октябре – повторить это замечательное действие; в ноябре – дружно помолиться о долголетию императора и императрицы; в декабре – понаблюдать за тем, как очень даже крупные (телом) чиновники в золотых квадратных масках изгоняют дьявола с алебардой в левой руке и щитом в правой. А надо было еще и паломничества по храмам совершать (поводов для этого было предостаточно), поломать голову над очередным девизом правления (хотя от правления в прямом смысле этого слова один девиз то и остался), послов иностранных принять, аудиенции дать, указы составить и подписать... В общем, ничего личного, одни заботы о благе страны.

А жизнь за стенами императорского дворца текла своим чередом. В 1199 г., упав с лошади, умирает властитель Камакура Минамото Ёритомо. Злые языки говорили, что он

упал с лошади не просто так, а испугавшись провидения (впрочем, это мало кого удивило в темные времена, переполненные суевериями и прочей мистикой). Следующие второй и третий сёгуны, дети Ёритомо, погибают от рук реальных убийц, и в 1219 г. линия сёгунов из славного дома Минамото обрывается. Но не обрывается власть бакуфу Камакура, заправлять которым начинает клан Ходзё. Недаром же жена Ёритомо, его боевая подруга Масако, женщина волевая и решительная, носила в девичестве именно эту фамилию. Еще при жизни третьего сёгуна Минамото, Санэтомо, прекрасного надо Вам сказать поэта, высший должностной пост сиккэна в бакуфу занял Ходзё Токимаса, папаша незабвенной Масако. Совместными усилиями они исхитрились сделать этот пост наследственным делом Ходзё. Для этого им надо было сделать сущий пустяк: устранить со своего пути отважного Вада Ёсимори. Что и было сделано. За каких-то три с небольшим дня от всего рода Вада ничего не осталось. Правда, без предательства тут не обошлось. А что, впрочем, без него обходилось во времена славного самурайства?! Самурайство и предательство, как результат обольщения и переманивания противника в свой лагерь (лишний клочок земли кому помешает?), явления по сути своей неразрывные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.